

Любовь
не предаёт.
Предают
те, кому
её доверяют.

Полина Рей

ЖАЛЬ

Но нам не по пути

СОВРЕМЕННЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

Полина Рей

Жаль, но нам не по пути

<https://litres.ru/74621609>

SelfPub; 2026

Аннотация

Зашла к мужу, пока он мылся в душе и застала его

- Олег, что это? У тебя вся спина в каких-то блёстках?

Хомутов пытается обернуться, рассмотреть то, что вижу я.

Возле лопаток густо нанесён шиммер

- Какие блёстки, Ань? Не носи чепухи, я только что помылся.

- Да вот же как будто кто-то специально нанёс.

Молодая любовница мужа решила действовать и показать мне, что она есть и готова драться за своё. И Олег сделал выбор, сказав, что нам не по пути.

Она хрупкая, лёгкая, невесомая. А я в свои сорок шесть - с грузом прожитых лет и с климаксом.

Или это вовсе не он?

Полина Рей

Жаль, но нам не по пути

Зашла к мужу, пока он мылся в душе и застала его...

- Олег, что это? У тебя вся спина в каких-то... блёстках?

Хомутов пытается обернуться, рассмотреть то, что вижу я.

Возле лопаток густо нанесён шиммер...

- Какие блёстки, Ань? Не носи чепухи, я только что помылся.

- Да вот же... как будто кто-то специально нанёс.

Молодая любовница мужа решила действовать и показать мне, что она есть и готова драться за своё. И Олег сделал выбор, сказав, что нам не по пути.

Она хрупкая, лёгкая, невесомая... А я в свои сорок шесть - с грузом прожитых лет и с климаксом.

Или это... вовсе не он?

Замок поддался не сразу.

В нём что-то заедало уже неделю, а Олег всё не находил времени вызвать мастера. Я вошла в прихожую, вдохнула знакомый запах дома: новый диффузор, пыль на книжных полках, едва уловимый шлейф того, что было привычным и родным. Бросила ключи на полку и выдохнула.

Сумка сползла с плеча, плюхнулась на банкетку. Следом

- пиджак, который я устроила в шкафу. Мысли текли вязко, перебивая друг друга, но крутились вокруг одного и того же.

Три месяца кряду - никакого намёка на то, что у меня вновь когда-либо пойдут месячные.

Климакс. Само слово скреблось в сознании, как сухая ветка по стеклу. Оно пахло больничными коридорами и старческими духами. Я видела этих женщин в очереди к гинекологу - уставших, с потухшими глазами, в удобной обуви без каблука. И до одури не хотела становиться одной из них.

Гормонозаместительная терапия... Я перечитывала форумы по ночам, когда не спалось. Женщины делились опытом: у кого-то прошли приливы, вернулась упругость кожи, даже либидо проснулось. Другие пугали: набор веса, мигрени, риск тромбозов, онкология. Я лежала в темноте, слушала ровное дыхание Олега и пыталась понять, готова ли рискнуть. Потому что дело, положив руку на сердце, было вовсе не в приливах. Дело было в нём. В том, что я останавливала взгляд на муже и всё чаще ловила себя на мысли: он будто бы смотрит сквозь меня.

Постель стала местом тихих переговоров. Раньше мы занимались любовью жадно, не всегда доходя до спальни - на кухне, в душе, на ковре в гостиной, пока дочь была в школе. Теперь же секс превратился в ритуал: субботний вечер, выключенный свет, несколько минут молчаливой механики. Олег после отворачивался к стене, а я лежала на спине и убеждала себя в том, что это норма.

Мне хотелось вернуть его. Не просто удержать, а заново заставить смотреть на меня с тем голодом, который я помнила. Я всё ещё была привлекательной женщиной. Фигура держалась, кожа, может, и потеряла былую свежесть, но ухоженные руки, хорошая стрижка, правильный свет - всё это работало. А климакс подкрадывался, как вор, и грозил украсть последнее, что у меня было.

Из ванной доносился ровный шум воды. Олег мылся, и я остановилась в коридоре, прислонилась плечом к дверному косяку и прислушалась. В утренней спешке мы едва перебросились парой фраз - он убегал на совещание, я закапывалась в квартальный отчёт. А вечером Хомутов пришёл раньше и сразу полез в душ. Странно: обычно банные процедуры он принимал по утрам. Вечером мог ополоснуться, но не так основательно.

Я шагнула ближе к двери ванной. Шум воды перекрывал всё. Сердце забило чуть быстрее, когда мелькнула шальная мысль: войти прямо сейчас. Стянуть платье, шагнуть под горячие струи вместе с ним, прижаться сзади, провести ладонями по мокрой груди, по животу. Я уже и забыла, когда в последний раз делала что-то спонтанное. А вдруг он ждёт этого? Вдруг ему тоже не хватает той прежней, смелой Ани, которая не боялась своего тела и своего желания?

Вода стихла. Я услышала, как хлопнула дверца душевой кабинки, как Олег шумно выдохнул и провёл рукой по лицу, сгоняя воду. Я нажала на ручку и вошла.

Пар окутал меня плотным, влажным облаком. Ванная комната была маленькой, и от горячей воды нагрелись даже кафельные стены. Зеркало запотело наглухо - в нём не отражалось ничего, кроме мутного серого прямоугольника. И запах... Я сразу его почувствовала. Не наш гель. Не его привычный мужской, с горьковатой хвоей. Этот пах сладко, карамельно, почти приторно, как дешёвый девичий шампунь из тех, что продаются в ярких бутылках. У меня такого не было. У Алисы, может, и водилось что-то подобное, но дочь съехала два года назад и забрала всю косметику с собой.

Олег стоял ко мне спиной, тянулся за полотенцем с верхней полки. Вода стекала по его затылку, по широким плечам, собиралась в ложбинке позвоночника и скатывалась дальше, к пояснице. В сорок семь он всё ещё был хорош - крепкий, подтянутый, без выраженного живота. По утрам бегал в парке, следил за питанием. Я засмотрелась на него, и желание, только что бывшее абстрактной идеей, вдруг стало острым, почти физическим.

Я сделала шаг навстречу, потом ещё один. И замерла.

Вдоль позвоночника, между лопаток, по коже рассыпались блёстки. Мелкие, золотистые, они мерцали в свете лампы - не случайные крупницы, а целая россыпь, нанесённая густо, как будто кто-то прижимался к нему грудью, осыпанной шиммером.

Я моргнула, надеясь, что наваждение исчезнет, - но блёстки никуда не делись. Они въелись в поры, застряли в капель-

ках воды, переливались с издёвочной, почти театральной яркостью.

- Олег, - голос прозвучал хрипло. - Что это? У тебя вся спина в каких-то... блёстках.

Он обернулся - не сразу, с ленцой, как человек, которого отвлекли от важного дела. Попытался скосить глаза на собственные лопатки, неестественно вывернув шею, но ему, разумеется, это не удалось.

- Какие блёстки, Ань? - протянул он с ноткой раздражения. - Не носи чепухи. Я только что помылся. Всё чисто.

- Да вот же, - я указала пальцем, не прикасаясь. - Возле лопаток. Шиммер. Как будто кто-то специально нанёс.

Олег нахмурился, дёрнул плечом, будто пытаюсь стряхнуть мои слова вместе с блёстками, которых он не видел.

- Ничего там нет, - отрезал Хомутов и схватил полотенце с крючка. - Это, наверное, твоя косметика. Пудра или эти, как их... хайлайтеры. Мало ли что в душе лежало, я не приглядывался.

- У меня нет блестящей косметики. Ни пудры, ни хайлайтера. Ты знаешь это.

Он принялся растирать спину полотенцем - резко, зло, с нажимом, от которого кожа покраснела.

- А может, это маски твои тканевые? Они же все в какой-то жиге. Или дочь оставила что-то, когда приезжала.

- Алиса приезжала месяц назад. Ты мылся с тех пор не один раз. И эти блёстки, - я сделала паузу, чувствуя, как внут-

ри закипает злость пополам с ужасом, - они въелись. Их не смыть просто водой. Ты бы их заметил, если бы тёр мочалкой. А ты говоришь - только что помылся.

Олег фыркнул, отшвырнул полотенце на бортик ванны.

- Значит, извозился на работе. В бухгалтерии девчонки вечно красятся, всё летит во все стороны. Я на стул сел в переговорной - может, там кто-то до меня сидел и наследил. А я потом спиной прислонился. Ну подумай головой: откуда ещё?

Я сложила руки на груди, чтобы скрыть, как меня трясёт.

- Ты ходишь в пиджаке и рубашке. Блёстки со стула, чтобы попасть тебе на голую спину, должны были преодолеть два слоя ткани. Это как, Олег? Объясни. Я хочу понять.

Он развернулся ко мне лицом. Мокрые волосы прилипли ко лбу, с висков капало. Взгляд был тяжёлый, уставший - и какой-то чужой, словно передо мной стоял не тот мужчина, с которым я прожила двадцать два года.

- Ты хочешь понять? - переспросил он с холодной усмешкой. - Ты хочешь найти то, чего нет! Как обычно. Я говорю тебе: я не знаю, откуда это. Может, вообще не блёстки, а что-то из геля. Или крем какой-то новый. Ты сама купила, забыла, а теперь меня допрашиваешь.

- Гель?

Я шагнула к полке, схватила флакон, который стоял на бортике ванны. Поднесла к глазам. Этикетка незнакомая: розовая, с карамельным макаруном на картинке. «Сладкая

бриошь. Гель для душа с экстрактом ванили и миндаля». Я понюхала горлышко - приторный запах ударил в нос.

- Это что?

Олег мельком глянул на флакон в моей руке и отвернулся.

- Купил в супермаркете. Закончился мой, схватил первый попавшийся. Мужикам вообще пофиг, чем мыться.

- Ты купил гель «Сладкая бриошь»? Ты? В супермаркете? - не переставала удивляться я.

- А что такого? - Он пожал плечами. - Стоял на полке, цена нормальная, взял. Теперь ещё и за гель отчитываться?

Я поставила флакон обратно. Розовый, с дурацким макаруном. Девичий гель, который покупают себе девочки, а не сорокасемилетние мужчины с банковскими счетами и любовью к минимализму во всём.

- Блёстки - это не из геля, Олег. Гель смывается. Блёстки остались. Они въелись. Как будто кто-то лёг на тебя сверху и прижимался очень долго.

Он закатил глаза - театрально, почти комично, но я видела, как напряглись желваки на скулах.

- Всё, с меня хватит. Я устал, Аня. Ты выдумываешь какую-то ерунду на ровном месте. Нет никакого смысла. Нет никакого подтекста. Просто испачкался, не знаю где. И хватит!

- Олег...

- Я сказал - хватит!

Он повысил голос, но тут же осёкся, будто сам испугался

своей резкости. Провёл ладонью по лицу, выдохнул.

- Извини. Просто давай закроем тему. Я моюсь, я чист. Всё. Пожалуйста.

Он обернул полотенце вокруг бёдер и двинулся к выходу. В дверях задержался на секунду, бросил через плечо:

- Может, тебе правда к врачу сходить? Нервы у тебя ни к чёрту.

И вышел, оставив меня в ванной одну, в облаке карамельного пара и звенящей, как натянутая струна, тишине.

Я не двинулась с места. Стояла и смотрела на мокрые следы на плитке - отпечатки его ступней, которые медленно расплывались в бесформенные лужицы. Потом перевела взгляд на полку. Розовый флакон. Золотистые блёстки, оставшиеся на полотенце, которое он швырнул на бортик. Я протянула руку, провела пальцем по махровой ткани - на коже осталось несколько сверкающих крупинок. Поднесла ближе к свету. Мелкие, почти невесомые, они переливались в электрическом свете.

Почему-то в голову пришла какая-то девица - молодая кожа, упругая грудь, на которую наносят шиммер перед тем, как прижаться к чужой спине. Или перед выступлением на сцене. Или перед тем, и другим сразу.

Я вытерла блёстки о подол платья и подошла к зеркалу. Провела ладонью по запотевшему стеклу - из серой дымки на меня смотрела женщина с заострившимися скулами и потемневшими глазами. Морщины у губ, к которым я почти

привыкла. Волосы, потерявшие блеск.

Я вглядывалась в собственное лицо так, будто видела его впервые, и не находила в нём той девушки, которая когда-то заходила к мужу в душ и не боялась ничего.

Выйдя из ванной, обнаружила мужа в спальне. Он уже оделся в домашнее и, судя по натянутым на голову наушникам, не собирался продолжать разговор. Тема была закрыта. Для него блёстки исчезли, стёрлись, смылись в слив вместе с гелем «Сладкая бриошь» и моими сомнениями.

И я почему-то на данный момент и впрямь приняла эту реальность.

Наверное, и вправду климакс.

Мысль о чёртовых блёстках не отпускала.

Она засела где-то в подсознании и свербела - тихо, настойчиво, как заноза, которую не ухватить пальцами.

Я пыталась убедить себя, что Олег прав. Климас играет с нервами, гормоны скачут, и вообще - мало ли где можно испачкаться. Но перед глазами снова и снова всплывала его спина: мокрая кожа, ложбинка позвоночника, золотистая россыпь, вьёвшаяся в кожу.

На следующий же день я позвонила дочери. Не для того чтобы жаловаться - Алисе ни к чему знать, что между нами творится, а чтобы проверить одну догадку. Представить её как бы со стороны, словно речь не обо мне и Алисином отце.

Дочь ответила почти сразу, и я, услышав родной голосок,

выдохнула.

- Привет, мамуль, а я как раз сама собиралась тебе звонить, - проговорила Алиса, и я улыбнулась.

- У умных мысли сходятся, - ответила я, устроившись на стуле.

Немного помедлив, я всё же перешла сразу к сути:

- Слушай, хотела спросить кое-что. Даже не знаю, как сформулировать. Мне тут тётя Эля звонила и рассказала странную вещь. Говорит, у её знакомой муж начал приходить домой... короче, с блёстками на спине. Представляешь? Прямо въевшиеся, как будто кто-то специально нанёс. И Эля утверждает, что сейчас так любовницы делают. Специально метят мужчину, чтобы жена заметила. Когда надоедает быть в тени. Ты о таком слышала?

Это было весьма странно - говорить о таком с почти ребёнком, который в жизни еще пороха не нюхал, но я просто не представляла себе, с кем еще обсудить подобное.

- Слышала, - вдруг ответила Алиса так уверенно, что я перестала сомневаться в том, что я поступила по-идиотски, позвонив ей. - Реально так делают - девчонки у нас на курсе обсуждали. Типа трюк такой. Если любовница устала ждать, пока мужик уйдёт из семьи, она начинает оставлять следы. Духи женские на рубашке, помада на воротнике - это уже прошлый век. А шиммер - он въедается, его фиг сотрёшь. И главное, не докажешь, что специально. Всегда можно сказать: ой, я накрасилась, а он обнял, случайно. Ну или вообще

- это у него откуда-то ещё, с работы там, из спортзала.

Я слушала и чувствовала, как внутри у меня медленно холодеют все внутренности. А вместе с ними пришло знание - точно такое же, с оттенками льда.

- Понятно, - сказала дочери ровно. - Просто Эля так переживала, я решила уточнить. Вдруг это просто слухи.

- Не слухи, мам. Так реально метят. Чтобы жена спалила и начался скандал. Расчёт на то, что мужик не сможет нормально объяснить, откуда блёстки, и спалится.

Как же всё это было мерзко! Особенно от того, что по сути мы говорили об Олеге, только Алиса, как я надеялась, об этом даже не догадывалась.

- Спасибо, поняла, - просто ответила ей.

- У тёти Эли опять нашлась любовь всей её жизни? - усмехнулась Алиса, которая знала мою подругу почти так же хорошо, как я сама.

- Да нет, - я заставила себя сделать вид, что ухмыляюсь в ответ. - Говорю же, у её знакомой такое случилось. Ладно, не буду отрывать от дел. Целую.

- И я тебя. Пока.

Я нажала отбой и осталась сидеть с телефоном в руке. Значит, не показалось - это не климакс и не разыгравшиеся нервы. Это метка. Осознанная, наглая, оставленная специально для меня.

Вечером я собирала вещи в стирку. Олег бросил брюки на стул в спальне - как всегда, вывернутые наизнанку, с вытя-

нутым ремнём. Я машинально подняла их, встряхнула, чтобы расправить. И замерла.

На изнаночной стороне, в районе ширинки, мерцало то же самое. Золотистая пыльца, растёртая по ткани, впитавшаяся в волокна. Я зажмурилась на секунду, и картинка сложилась сама. Шиммер попал туда неслучайно - прямо в область ширинки.

Я опустилась на край кровати, не выпуская брюк из рук. Пальцы сами собой тёрли ткань, но блёстки не исчезали - только размазывались, въедаясь ещё глубже. Теперь у меня было две метки. На спине - чтобы я увидела, и на брюках - чтобы не осталось сомнений.

Олег, который с полчаса назад вернулся с работы, вошёл в спальню с кружкой чая. Остановился в дверях, глянул на меня, на брюки в моих руках.

- Ты чего? - нахмурился он.

- Я опять нашла чёртовы блёстки! - тряхнула штанами в воздухе. - Что вообще происходит, ты можешь мне сказать?

- О господи, - он закатил глаза. - Опять?

- Да, опять. Я нашла их здесь! - Развернула брюки так, чтобы было видно всё до чёрточки, ткнула пальцем в ширинку. - Смотри. С изнаночной стороны. Как они туда попали? Объясни.

Он даже не стал делать вид, будто смотрит. Просто отвёл взгляд и поставил кружку на комод - медленно, аккуратно, словно боялся расплескать.

- Ты совсем с ума сошла, - сказал он тихо. - На старости лет тебе мерещится всякое!

- Мерещится? - Я встала, тряхнув брюками перед его лицом ещё раз. - Это вот здесь - мерещится? Ты хоть раз посмотри, Олег!

- Я не собираюсь разглядывать штаны под лупой, - процедил он. - Мне надоел этот цирк. Ты придумала себе какую-то ерунду и теперь раздуваешь из мухи мамонта!

- Я не придумала. Я знаю, что это такое. Любовницы так метят мужика специально. Когда хотят, чтобы жена узнала!

Он рассмеялся - коротко, невесело, как будто выплюнул смех.

- Любовницы. Метят. Ты хоть слышишь себя со стороны? Конспирология какая-то. Тебе реально к врачу надо, Ань. Прямо завтра. И не к гинекологу - к психиатру!

- Олег...

- Всё. Я сказал: всё! - Он поднял ладонь, как отрезал. - Слышать больше ничего не хочу. Устал от этого дерьма донельзя!

Он взял кружку, развернулся и вышел в коридор. Через несколько секунд в гостиной слишком громко включился телевизор. Олег как бы орал всем своим поведением - не лезь ко мне со своей чепухой.

Я же осталась стоять посреди спальни с его брюками в руках. Шиммер на изнанке тускло поблёскивал в свете ночника.

«На старости лет». Он сказал это. Впервые - прямо, без обтекаемых формулировок. Мне, видите ли, мерещится! Я сумасшедшая. А блёстки - плод больного воображения.

Я отложила брюки как важную улику, решив, что стирка подождёт. Итак, у него есть какая-то женщина, которая намеренно дала мне понять, что оставаться и дальше в тени не будет.

И она ждала моего ответного шага...

- Мне кажется, Олег мне изменяет.

Эти слова я обрушила на Элю сразу, как только она приземлилась напротив в нашей излюбленной кафешке.

Выглядела подруга как всегда сногшибательно, и сейчас, когда я слышала столько «комплиментов» от мужа относительно своего возраста, мне стало казаться, что разница в возрасте в шесть лет заметна, но не в мою пользу. Хотя я и была моложе Эли, чувствовала себя в разы старше.

- Олег? Тебе? Да ты что, мать? - тут же округлила Элька глаза. - Никогда не поверю. Скорее священник, запертый в келье на острове отыщет себе бабу, чем твой Хомутов!

Она подозвала официанта и какое-то время обсуждала с ним напитки. И этого времени мне хватило на то, чтобы у меня в душе появилось сомнение в том, в чём до сего момента я была свято уверена.

- Ну хорошо, - Эля подалась вперёд, облокотившись на столик. - Давай по порядку. Что у тебя есть, кроме блёсток?

Я помедлила. Подруга смотрела на меня внимательно, без насмешки, но с тем самым выражением, которое появлялось у неё всякий раз, когда она собиралась разложить чужую проблему по полочкам. Эля вообще любила порядок - и в делах, и в чужих браках.

- Больше ничего, - призналась я. - Только блёстки. На спине и на брюках с изнанки.

- И на брюках с изнанки, - повторила она задумчиво. - Ань, ты меня, конечно, извини, но это всё очень зыбко. Мало ли где он испачкался. Может, в спортзале на коврике. Может, в машине. Может, на стуле в переговорной - ты сама говорила, он версию про бухгалтерию выдвигал.

- Эль, они с изнанки! На ширинке. Как блёстки с переговорной могли попасть на изнанку ширинки?

- Ну, мало ли, - она пожала плечами. - Может, он руки не помыл после того, как испачкался, а потом в туалет захотел. Расстегнул ширинку - вот тебе и блёстки. Технически возможно.

Я хотела возразить, но пауза затянулась. Эля тем временем дождалась латте и отпила глоток.

- Слушай, мать, - продолжила Эля, когда официант отошёл. - Я тебя умоляю. Олег Хомутов - это самый предсказуемый мужик на планете. У него два костюма, три галстука и маршрут «дом - работа - парк для пробежки». Он двадцать два года на тебе женат и за это время ни разу не дал повода в себе усомниться. Ты хоть понимаешь, что такие, как он, не

заводят любовниц? Им просто лень.

- Лень?

Меня ошарашила именно эта причина. Не любовь к жене, не чистоплотность, которая важна для каждого человека, хоть женщины это, хоть мужчины, про которых псевдо-эксперты сочинили сказочки о полигамности.

Но Эля говорила о том, что Хомутову просто лениво поднять задницу?

- Конечно, лень. Любовница - это же геморрой. Когда она имеется, жене надо врать, выкручиваться, помнить, что ты ей сказал в прошлый раз о своём отсутствии. У Олега фантазии не хватит.

Я молча крутила в руках салфетку. Элины слова ложились на ту почву, которая могла бы поадвокатствовать за Олега. В конце концов, у меня действительно не было ничего, кроме этих чёртовых блёсток. Ни переписки в телефоне, ни странных звонков, ни задержек на работе. Олег приходил домой вовремя, ужинал, смотрел свои новости и засыпал ровно в одиннадцать.

- Может, ты и права, - сказала я неохотно.

- Конечно, права. Ты себя накрутила. У тебя гормоны шалют, климакс этот твой, вот и лезут в голову всякие глупости. Сходи к врачу, Ань. Реально. Проверься. А мужа оставь в покое - он у тебя святой человек.

Я кивнула. И в этот момент почти поверила.

Дни потекли ровно. Олег вёл себя безупречно. Ника-

ких блёсток, никаких посторонних запахов, никаких косых взглядов. Он был спокоен и даже ласков по-своему: приносил мне чай, спрашивал, как прошёл день. Раньше я бы не обратила внимания, но сейчас каждая мелочь казалась значимой. То ли Хомутов пытался загладить вину, то ли действительно ничего не было, а его ровное поведение - это просто норма, которую я в своей паранойе перестала замечать.

И всё же что-то со мной было не так.

Я стала плакать. Не рыдать, не биться в истерику - просто вдруг, посреди дня, глаза наполнялись влагой. Могла стоять на кухне у плиты и вдруг чувствовала, как по щеке ползёт горячая слеза. Причин и повода для этого не имелось - просто внутри всё сжималось в какой-то вязкий, тугий ком, который не проходил ни после сна, ни после прогулки, ни после разговора с Элей.

Однажды утром я посмотрела на себя в зеркало и вдруг поняла: я похожа на растёкшийся кисель. Бесформенная, оплывшая по краям, утратившая ту упругость, на которой когда-то держалась вся моя жизнь. Я не красилась уже неделю. Не укладывала волосы. Ходила по дому в старых трениках и растянутой футболке. Олег не комментировал - то ли не замечал, то ли боялся спровоцировать новую ссору.

В один из таких дней я набрала номер гинеколога. Нужно было подтверждать климакс и что-то с ним делать, ибо я дико устала от слёз, апатии и липкого ощущения, что я больше не контролирую собственное тело. Если гормоны шалят

- пусть их приведут в порядок. Таблетками, уколами, чем угодно.

Клиника, в которой я наблюдалась, была частная, потому приняли меня быстро. Врач задала обычные вопросы: цикл, последние месячные, жалобы.

- Три месяца? - уточнила она, делая пометки. - Ну что ж, давайте сделаем УЗИ.

Я легла на кушетку. Холодный гель, который она щедро вылила на живот, заставил вздрогнуть. Врач водила датчиком, смотрела на экран, хмурилась, потом вдруг замерла и бросила на меня короткий взгляд поверх очков.

- Анна, - сказала она спокойно, почти буднично, - вы беременны.

Я заморгала. Слова врача не сразу обрели смысл. А когда это случилось...

Беременна? Я? В без малого пятьдесят?

- Этого не может быть! - вырвалось тут же. - У меня климакс. Мне сорок шесть.

- Сорок шесть - это не приговор, - врач мягко улыбнулась. - Плод визуализируется отчётливо. Срок - приблизительно двенадцать недель. Хотите послушать сердцебиение?

Я не ответила. Просто лежала и смотрела в белый потолок с квадратными панелями. Двенадцать недель. Три месяца. Те самые три месяца, которые я списывала на климакс. Всё это время внутри меня рос ребёнок. Наш с Олегом малыш...

- Анна, вы меня слышите? - Врач чуть наклонилась ко

мне. - С вами всё в порядке?

- Да, - ответила одними губами. - Да. Просто... я не ожидала.

- Это нормально. Шок - частая реакция. Но состояние у вас хорошее, плод развивается согласно сроку. Сейчас я выпишу вам витамины и направления на анализы.

Она говорила что-то ещё, но я уже не слышала. Перед глазами стояла картинка: золотистые блёстки на мокрой спине мужа. А теперь - крошечное сердце, которое бьётся внутри меня. Две несовместимые реальности. Два факта, которые отказывались укладываться в единую картину.

Я вышла из клиники с заключением в руках. На улице светило солнце, ветер был тёплым и обволакивающим, и мир вокруг жил своей обычной жизнью, не подозревая, что моя уже точно не будет прежней.

Беременна. Я прижала ладонь к животу - там был наш с Олегом ребёнок.

Мне нужно было срочно обо всём рассказать Хомутову...

Домой я отправилась пешком, хотя обычно вызывала такси. Мне нужно было время, чтобы собраться. Я репетировала слова, крутила их так и эдак, пыталась представить реакцию мужа.

Удивится? Да, однозначно. Если даже не сказать - шокируется.

Обрадуется? Вот в этом я сильно сомневалась. Все же воз-

раст у нас был уже не тот...

Но что делать... Малыша я уже решила оставить. В конце концов, он ведь тоже хотел второго - когда-то, давно, когда Алиса пошла в первый класс. Но тогда не сложилось: работа, ипотека, бесконечная гонка за тем, чтобы сделать жизнь лучше. Теперь же всё иначе: мы взрослые, обеспеченные, состоявшиеся люди. Может быть, этот ребёнок - шанс сблизиться вновь. Может быть, он вернёт тепло, которое мы растеряли.

Дома Олег сидел на кухне и что-то читал в телефоне. Перед ним стояла чашка с остывшим чаем - значит, ждал меня какое-то время. Я замерла в дверях, разглядывая его лицо: морщинки у глаз, седина на висках, знакомый до последней чёрточки профиль.

Двадцать два года вместе. Целая жизнь.

- Олег, - голос прозвучал тише, чем я планировала. - Нам надо поговорить.

Он отложил телефон и поднял на меня глаза. И я нахмурилась - во взгляде Хомутова было нечто новое, чего я там ещё не видела. Так смотрят люди, которые приняли решение и больше не мучаются сомнениями.

- Да, Ань. Нам надо поговорить, - он выпрямился на стуле. - Я сам хотел начать этот разговор. Давно собирался, но всё не решался. А сегодня понял: тянуть больше некуда.

Я всё ещё стояла в дверях, сжимая ремень сумки, в которой лежало заключение врача. Но доставать бумагу не торопилась - что-то в тоне Олена заставило меня замереть.

- Слушаю, - сказала в ответ, не двинувшись с места.

Олег глубоко вздохнул, как будто собирался на старт, зная, что дальше будет непросто, но отступить нельзя. .

- У меня есть женщина, - произнёс он ровно, глядя мне прямо в глаза. - Её зовут Варя. Она балерина, ей девятнадцать.

Меня как будто ударили наотмашь, а сознание раздвоилось. Была та Аня, которая сейчас смотрела на мужа и не верила своим ушам, а рядом с ней буквально кричала от ужаса, поняв всё, что едва было произнесено, совсем другая я...

Слова застряли где-то в горле, превратились в плотный ком, который не давал ни вдохнуть, ни выдохнуть. А Олег продолжал - и в его голосе появилось то самое довольство, которого он даже не пытался скрыть:

- Я знаю, это звучит... неожиданно. Но я должен быть честным с тобой. Варя - удивительная. Она лёгкая, понимаешь? Рядом с ней я чувствую себя молодым. Она смотрит на меня не как на старого мужа, с которым всё давно решено и поделено, а как на мужчину. Она восхищается мной. Ей интересно то, что я говорю. Ей интересен я - понимаешь разницу?

Нет, я не понимала... Разницу с кем? Со мной? Значит, он противопоставлял эту малолетку мне, своей жене, и находил, что она как бы надо мной? Что эта Варя, прости, Господи, восхищена им, в отличие от его супруги, рядом с которой он чувствует себя старым?

- Шиммер... - проговорила я едва слышно, хотя это, вроде как, уже совсем не имело отношения ни к чему. - Это была она.

- Да, - Олег кивнул, и на его лице мелькнуло нечто, похожее на гордость. - Варя - девочка с характером. Она устала прятаться, как выяснилось. И когда я спросил у неё о блёстках, она сказала: «Ты не мог решиться сам, я показала, что я есть». Я сначала злился на неё, честно. А потом понял: она права. Сколько можно врать? Мы взрослые люди. Ты заслуживаешь правды.

- Заслуживаю, - повторила я, будто была его эхом.

- Да. Заслуживаешь правды. Ань, я благодарен тебе за годы вместе, за дочь, за дом. Ты была хорошей женой. Правда, была. Но... - он сделал паузу, подбирая слова, - дальше нам не по пути.

Он смотрел на меня - спокойно, почти сочувственно. И в этом взгляде не было ни капли вины. Только облегчение человека, который сбросил с плеч тяжёлый груз и теперь ждал, что оставшуюся часть пути он проделает налегке.

Итак, беременность, двенадцать недель.

Наш ребёнок.

Слова, которые я репетировала всю дорогу. Они теперь жгли меня изнутри, но я не произнесла ни одного. Просто стояла и смотрела на мужа, который только что с лёгкостью перечеркнул двадцать два года нашей жизни ради девятнадцатилетней девочки. Она хотела выйти из тени и сделала

это. Можно было ей поаплодировать.

А ещё до меня с ужасающим осознанием дошла мысль... Тот самый чёртов гель.

- Она ведь бывала здесь, да? - прохрипела я. - И это не ты бегал по магазинам в поисках первого попавшегося геля для душа, а она сама притащила его в наш дом? Я права? Как ещё одну метку, будто она самка, зашедшая на чужую территорию?

Я стала закипать, особенно от того выражения, которое появилось на лице мужа. Он поморщился, словно ему все эти вопросы были крайне неприятны. Затем сказал спокойно:

- Это было один раз и больше не повторится. Нет смысла водить сюда Варю, потому что я переезжаю к ней.

Он поднялся из-за стола, подошёл ко мне и на секунду замер, будто хотел что-то присовокупить к сказанному или сделать. Однако ни слова не сорвалось с его уст - он просто прошёл мимо и направился в спальню, собирать вещи.

А я осталась стоять на пороге кухни, не зная, что сказать, да и надо ли это делать в принципе.

Варя, девятнадцать лет... продуманная маленькая сучка, которая забрала моего мужа.

И она только что сделала ещё один свой ход.

Он оказался победным.

Олег Хомутов чувствовал себя так, словно скинул лет двадцать. Нет, даже двадцать пять - весь тот груз, который неза-

метно нарастал год за годом, оседал на плечах привычкой, долгом, размеренным бытом. Всё это осталось там, в квартире на Лермонтовском, вместе с Анной, которая была ему хорошей женой, но всё же теперь превратилась в то, что Хомутов мог бы назвать словом «опыт».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.